

И. М. РАТНИКОВА

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

*Белорусский государственный университет информатики и
радиоэлектроники, Минск, Беларусь, e-mail: volira_@mail.ru*

Данная статья посвящена философской реконструкции парадигмальных установок современной модели критической теории. Осуществлена понятийная экспликация критической теории как концептуально целостной исследовательской программы современного социально-гуманитарного знания, характеризующейся единством ее философско-методологических оснований. Раскрыты основные положения хоннетовской концепции «борьбы за признание» как нормативного основания социокультурных трансформаций. Выявлены ключевые аспекты новейших версий критической теории на примере концепции справедливости как реализации «права на оправдание» Р. Форста.

Ключевые слова: критическая теория, проект модерн, борьба за признание, социальный конфликт, нормативная реконструкция, справедливость, право на оправдание.

I. M. RATNIKOVA

**PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE MODERN CRITICAL
THEORY**

*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk,
Belarus, e-mail: volira_@mail.ru*

The paradigmatic basis of the modern model of Critical Theory is reconstructed in this article. Critical Theory as a conceptually holistic research program of modern Humanities, characterized by the integrality of its philosophical and methodological foundations, is explicated. The main ideas of A. Honnet's conception of "struggle for recognition" as the normative basis for sociocultural transformations are analyzed. The key aspects of the newest versions of the Critical Theory on the example of R. Forst's concept of justice as the realization of the "right to justification" are researched.

Keywords: Critical Theory, project of modernity, struggle for recognition, social conflict, normative reconstruction, justice, right to justification.

Введение. Критическая теория является одной из наиболее плодотворных и активно развивающихся исследовательских программ современной гуманитаристики. Обращение к эвристическому потенциалу критической теории в контексте цивилизационных процессов современности, характеризующихся социальной нестабильностью и катаклизмами, представляется чрезвычайно своевременным и продуктивным. Критическая теория разрабатывает практикоориентированную методологию исследования и преодоления патологий социального, политического и культурного развития техногенной цивилизации в условиях трансформационных процессов глобализирующегося мира.

Будучи концептуальным трендом современности, критическая теория вызывает серьезный интерес со стороны научного сообщества. Ведущими университетами и научными центрами мира организована работа институтов, школ, групп и семинаров, нацеленных на изучение различных аспектов критической теории. Ежегодно проводятся научные конференции международного уровня, посвященные раскрытию возможностей практического применения ее теоретических ресурсов. Регулярно издаются рецензируемые журналы, отличающиеся высокими академическими

стандартами, на страницах которых обсуждаются методологические и концептуальные вопросы критической теории.

Несмотря на наличие серьезных и глубоких исследований критической теории (С. Броннер, Б. Ван ден Бринк, Ж. Ф. Деранти, И. А. Михайлов, Ф. Раш, В. Н. Фурс, Д. Хой, С. В. Шачин и др.) комплексное изучение ключевых аспектов ее развития, новейших разновидностей и модификаций пока еще не нашло должного освещения. Данная статья ставит своей целью хотя бы частично устранить этот пробел, осуществление которой во многом затруднено отсутствием переводов оригинальных текстов наиболее репрезентативных ее представителей. Русскоязычному читателю в настоящий момент приходится довольствоваться лишь отдельными упоминаниями, статьями и рецензиями, посвященными вопросам современной критической теории.

Неоднозначным остается и дефинитивный статус критической теории. Современный научный дискурс характеризуется вариативностью понятийных экспликаций критической теории, начиная с редукционистских отождествлений с хоркхаймеровско-адорновской моделью и заканчивая предельным расширением ее содержания до всякой версии социального критицизма в целом. Реконструкция внутренней логики эволюции критической теории позволяет установить ее парадигмальные границы, генетически и концептуально восходящие к философской программе Франкфуртской школы, получившей свое развитие в учениях, направленных на ее реактуализацию в соответствии с принципами постметафизического мышления и динамикой социокультурного контекста.

Критическая теория – оригинальная исследовательская программа современной гуманитаристики, широко представленная сегодня рядом направлений (критическая социальная теория, критическая литературная теория, критическая правовая теория и др.), характеризующихся единством концептуально-методологических оснований. Программно критическая теория была сформулирована М. Хоркхаймером [1-2] в первой трети XX

столетия, концептуально фундирована затем в работах Т. Адорно [2-4] и Г. Маркузе [5-6], и получившая коммуникативное развитие в философии Ю. Хабермаса [7-10], а в настоящее время нашедшая продолжение в концепциях А. Хоннета [11-14] и Р. Форста [15-16]. Указанная преемственность в развитии критической теории проявляет себя не в виде содержательных рецепций, но в форме релевантности ее парадигмальным установкам. Методологически она находит выражение в междисциплинарном, системном подходе к исследованию предельных оснований социокультурной реальности, концептуально – в рефлексии над фундаментальными принципами проекта модерн, имплицировавшего тот комплекс глобальных проблем, с которыми столкнулась техногенная цивилизация.

К числу наиболее репрезентативных представителей современной критической теории относят Акселя Хоннета и Райнера Форста, философские концепции которых выступают предметом исследования в данной статье.

Основная часть. А. Хоннета по праву можно назвать наиболее заметной и плодотворной персоналией современного социально-гуманитарного знания. Разрабатываемые им темы позволяют поставить его в один ряд с выдающимися мыслителями нашего времени. В западной академической среде его идеи являются предметом серьезных дискуссий, а труды подлежат незамедлительному переводу и активно публикуются. Вместе с тем, хоннетовские идеи пока не стали объектом серьезного анализа в отечественной науке.

Будучи убежденным сторонником критической теории как наиболее эффективной исследовательской программы современной гуманитаристики, А. Хоннет ставит перед собой задачу обоснования ее специфики, выявления сущностного содержания и эвристического потенциала. По его мнению, рефлексия над универсальными основаниями социокультурной реальности должна иметь форму научной теории, цель которой он усматривает в

выявлении несоответствий между исследуемой действительностью и пониманием обществом собственных практик.

В хоннетовском прочтении, специфика критической теории состоит не в быстром достижении результата посредством демократического дискурса, но долгосрочном эффекте, заключающемся в проблематизации существующих моделей и схем социальных, культурных и политических практик, выяснения их релевантности подлинным потребностям человека. По этой причине, в отличие от своего учителя Ю. Хабермаса, связывающего развитие общества с правильно организованными дискурсивными практиками общественности, обеспечивающими условия взаимопонимания, А. Хоннет разрабатывает такую модель, в которой определяющим фактором социодинамики выступает нормативно окрашенная борьба индивидов за признание их притязаний на автономию, значимость их прав и свобод.

Понятие «признания» в качестве философской категории встречается уже в гегелевской системе раннего Йенского периода через теории Н. Макиавелли и Т. Гоббса. Дальнейшее концептуальное осмысление оно получило в кожевских лекциях, посвященных «Феноменологии духа». В настоящее же время, в связи с обострением межкультурных конфликтов, проблема признания становится центральной темой социально-философского и политического дискурса. Современные цивилизационные процессы актуализировали необходимость обеспечения приемлемого фундамента для межкультурных интеракций, формирования предпосылок для бесконфликтного сосуществования разновекторных религиозных, политических и других позиций. В этом контексте обращение к эвристическому потенциалу хоннетовской концепции «борьбы за признание» как философского основания современной критической теории представляется чрезвычайно продуктивным.

В своих работах А. Хоннет разрабатывает оригинальную модель критической теории на основе ранних гегелевских сочинений, в которых социальная жизнь конституируется как интерсубъективный конфликт, где

нравственность выступает сферой взаимопонимания, признания своих свобод и абсолютной автономии. Однако в более поздних работах социальные взаимодействия рассматриваются автором «Феноменологии духа» как ступени развития Абсолютной идеи, нормативное же пространство выступает как монологичное саморазвитие Духа, а не как intersубъективный процесс. Эта метафизичность гегелевской концепции не удовлетворяет А. Хоннета и обуславливает обращение к бихевиористским идеям мидовской теории I и ME, где идея формирования человеческой самости трактуется посредством intersубъективного признания.

В основании хоннетовской версии критической теории – intersубъективистская парадигма признания. Социальные интеракции определяются моральными императивами взаимного признания субъектами своей автономии. Поэтому задачу современной критической теории он усматривает в том, что «процессы социальных изменений должны быть объяснены со ссылкой на нормативные требования, которые имманентно присущи отношениям взаимного признания» [14, с. 2].

Первой моделью признания выступает любовь. Отправным пунктом хоннетовской концепции становится гегелевская трактовка любви как бытия самим собой в Другом в совокупности с психоаналитической интерпретацией любви как процесса взаимного признания. Данная форма признания фундирована сильным эмоциональным чувством и трактуется им как постоянное установление и ликвидация границ между любящими друг друга людьми, в результате чего формируется уверенность в себе. К примеру, благополучные любовные взаимоотношения матери и ребенка в детстве являются необходимым условием успешной коммуникации ребенка с другими членами сообщества во взрослой жизни. В то же время, в данной модели вступают в противоборство две тенденции – биологически заданное чувство нужды в самопожертвовании другому и эгоцентристское отстаивание собственных прав. Поэтому любовь становится базой для следующей модели признания – права.

А. Хоннет отмечает, что правовые и любовные отношения существенно различаются. Единственная причина, по которой обе сферы взаимодействия следует понимать как формы одной и той же модели социализации, состоит в том, что их внутреннюю логику нельзя объяснить вне обращения к механизму взаимного признания. Человек может получить удовлетворение своих притязаний на значимость в правовой сфере лишь в ситуации признания того, что имеет устойчивый набор нормативных обязательств по отношению к другому члену сообщества. Основа правовой модели признания – признание свободы, прав и автономии другого. Правовая форма признания создает условия формирования самоуважения.

А. Хоннет настаивает на необходимости такой формы социальной оценки, которая позволила бы человеку позитивно относиться к своим индивидуальным характеристикам и способностям. Такой моделью признания у него выступает солидарность как причастность к intersубъективно разделяемому горизонту значений и ценностей. Принципиально важным является тот факт, что солидарность имеет место быть тогда и только тогда, когда человек осознает свою принадлежность к социальной группе, признаваемой всеми членами общества. Солидарность есть такой тип признания, который обеспечивает предпосылки формирования самооценки человека, в ее основании – intersубъективные взаимодействия, члены которых обоюдно симпатизируют различным способам жизни друг друга и утверждают их равноценность. Солидарность обеспечивает толерантность, признание особенностей человека, самобытность и автономность различных культур.

В отличие от гегелевской и мидовской концепций, А. Хоннет разрабатывает не только типологию моделей признания, но и соответствующие им формы пренебрежения, которые связаны с ситуацией осознания индивидом того обстоятельства, что его притязания на признание отвергнуты. Мыслитель показывает, что каждая форма неуважения содержит мотивы, влекущие за собой возникновение социальных конфликтов.

Первая форма пренебрежения связана с телесными переживаниями. Она возникает в том случае, когда индивид попадает в ситуацию жестокого обращения или полного владения его телом другим человеком. Этот вид пренебрежения нарушает базовую способность индивида, возникшую в опыте любви, самому распоряжаться своим телом. Второй тип пренебрежения заключается в отсутствии условий реализации человеком определенного набора прав. В этой ситуации предполагается, что он обладает меньшей степенью значимости по сравнению с другими членами общества. Опыт пренебрежения правами обуславливает утрату чувства самоуважения. Третий вид пренебрежения – социальное унижение: индивиду отказывается в возможности осуществлять тот способ социального существования, который он избрал. Социальная девальвация приводит к утрате личной самооценки, возможности рассматривать себя и свой образ жизни как чего-то положительного, почитаемого и одобряемого обществом. Данный вид пренебрежения имеет место в тех культурах, устройство которых предполагает неравноценность интересов и стилей жизни различных социальных групп. Сопровождается утратой человеком сознания собственной ценности.

Опыт пренебрежения вызывает такие негативные эмоции как стыд, боль и гнев, сопровождающиеся утратой чувства собственного достоинства и ощущением более низкой социальной значимости, чем ранее предполагалось человеком. Эти негативные эмоциональные реакции, сущностно связанные с практикой социальной несправедливости и неуважения, могут представлять собой аффективную мотивационную основу политических конфликтов и борьбы за признание на основе динамики моральных переживаний.

Таким образом, хоннетовская версия критической теории базируется на парадигме признания, направленной на объяснение моральной грамматики социокультурной динамики. Он показывает, что условия личностной, правовой и социальной автономии задаются успешным опытом любви, уважения и оценки. Когда же социальные практики не создают предпосылок

для отношений признания, то возникают негативные эмоциональные реакции, аффективно мотивирующие возникновение социальных и политических конфликтов, основной целью которых становится достижение свободы как фундаментальной ценности современной культуры. Именно свобода выступает конститутивным основанием хоннетовской концепции справедливости, ключевые положения которой изложены в работе «Право свободы: очерк демократической нравственности» (2010).

Цель данной работы состоит в нормативной реконструкции практик и институтов современного общества, которые обеспечивают условия, необходимые для реализации индивидуальной свободы. Под нормативной реконструкцией понимается метод, посредством которого существующие институты и практики анализируются в соответствии с их нормативными достижениями, причем в той последовательности, в какой они значимы для реализации легитимированных социальных ценностей [17, с. 93]. В этом смысле теория справедливости А. Хоннета может быть представлена как критика современных институтов и практик в контексте ценностей, реализованных в конгруэнтной им социальной среде.

Он утверждает, что современная культура как реализация принципов проекта модерн, задает нормативный фундамент справедливости – личную автономию индивида. При всей ценностной плюральности современного общества именно свобода и институты, гарантирующие ее защиту и осуществление, выступают основным мерилом социальной и политической справедливости, а также прогрессивного развития. Осуществляя нормативную реконструкцию исторических предпосылок свободы, он дифференцирует следующие модели свободы: негативную, рефлексивную и социальную.

Социальная и политическая справедливость, по А. Хоннету, не может быть редуцирована к объему негативной или рефлексивной свободы, предоставляемой индивидам. В справедливом обществе должна быть реализована социальная свобода как обеспечение предпосылок и

возможностей для равного участия всех членов общества в институтах взаимного признания. Нормативные институты должны быть защищены правовыми, которые, в свою очередь, легитимированы дискурсивными практиками демократического волеизъявления.

Дальнейшая эволюция критической теории связана с творчеством Р. Форста. Несмотря на то, что в западном интеллектуальном пространстве его идеи пользуются серьезным авторитетом и подлежат всестороннему исследованию, в отечественной науке они все еще остаются не изученными. Будучи учеником Ю. Хабермаса и А. Хоннета, он продолжает и развивает традицию критической теории, в основании которой лежит требование подвергать рефлексии ее ключевые положения, понятия, принципы и границы применения, обеспечивая тем самым систематическую критику своих собственных оснований.

Центральным предметом исследования Р. Форста выступает понятие «справедливости». Тема справедливости являлась ключевой для социальной и политической философии еще со времен «Государства» Платона и выступала предметом специального рассмотрения в теориях Аристотеля, Цицерона, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта и др. Вместе с тем, дискуссии о содержании данного понятия не прекращаются до сих пор и чрезвычайно актуальны в современной гуманитаристике. Многочисленные трактовки справедливости представлены в концепциях Р. Дворкина, А. Макинтайра, Р. Нозика, Дж. Роулса, Р. Рорти, Н. Фрезер, Ю. Хабермаса и других исследователей. Актуальность обращения к теме справедливости, во многом, связана с интеграционными и миграционными процессами в современном мире, обуславливающими, в свою очередь, поиск максимально оптимальных моделей социального устройства и норм совместного общежития в условиях мультикультурализма.

Р. Форст видит своей целью разработку целостной концепции справедливости, фундированной моральными принципами. В своих работах он пытается вывить нормативные и философско-методологические

основания критической теории справедливости, осуществляя систематическую реконструкцию ключевых положений современной дискуссии либерализма и коммунитаризма. Критический анализ аргументации обеих позиций приводит его к выводу о существовании отдельных нормативных контекстов справедливости, соответствующих каждому из аспектов этой дискуссии: этического, правового, политического и морального.

Р. Форст подчеркивает равноценность этих контекстов. В справедливом обществе право на этическое самоопределение человека легитимизовано и защищено, а закон, в свою очередь, автономен и морально центрирован. В этом смысле правовая «отрицательная» свобода действий и этическая «позитивная» свобода самореализации не исключают, а подразумевают друг друга: закон является защитным механизмом этической идентичности как способности осознавать смысловое содержание целей и ценностей, заданных социумом, а также определять их место и роль в собственной жизни.

Этический и правовой контекст неразрывно связаны с контекстом гражданственности и демократической легитимации права в политическом сообществе. Так, закон должен быть легитимирован в политических дискурсах посредством консенсуса граждан, которые являются не только исполнителями закона, но и его творцами. Правовые нормы должны быть не только легитимированы и институционально закреплены, но также реализованы в практике политического сообщества, в которой граждане осознают свою принадлежность этому сообществу и предоставляют друг другу необходимые условия для личной и политической автономии. Таким образом, граждане создают и реализуют закон, они понимают себя как часть политического целого, за которое они несут совместную ответственность. Солидарность между гражданами не предполагает общности их этических ценностей, но заключается в правовом и моральном признании друг друга в качестве сограждан, равных во всех сферах жизни общества. Этическая,

правовая, политическая и моральная автономия оказываются, тем самым, внутренне взаимосвязанными.

Р. Форст полагает, что концепция справедливости фундирована принципами практического разума и интересубъективистским видением контекстов бытия человека и общества, в которых индивидуальные права обоснованы общностью универсального права. Человек определяет себя и свою независимость в ситуации включенности в конкретное сообщество. Критическая теория справедливости определяет эти контексты как контексты признания.

Важно отметить, что идея признания используется Р. Форстом только в целях дополнения и уточнения разрабатываемой им теории справедливости, методологический приоритет в которой принадлежит концепции оправдания. В результате анализа различных философских концепций сущности человека, он приходит к выводу о том, что основополагающим модусом бытия человека в мире является способность к оправданию своих действий и поступков. Он заключает: если мы хотим иметь гуманное и справедливое общество, то в его основе должны быть дискурсивная практика обоснования своего образа жизни.

Основная цель критической теории справедливости состоит в исключении всяких форм угнетения. Осуществление поставленной цели предусматривает реализацию основного права – права на оправдание. Это право выражает требование отказа от политических или социальных отношений господства и управления, которые не могут быть адекватно обоснованы теми, к кому они имеют непосредственное отношение. Протест против несправедливости в своей основе всегда возвращается к праву не подчиняться законам или институтам, которые не легитимированы в достаточной степени, а, значит, не могут считаться выражением власти. Требование справедливости – это в существе своем эмансипационное требование, которое описывается такими терминами, как честность, взаимность, симметричность, равенство. Политическая и социальная

справедливость должна, таким образом, быть фундирована правом на оправдание. Это, по мнению Р. Форста, лучший способ реализовать кантовский категорический императив.

Дискурс оправдания трактует высшее благо как социально эффективное требование подвергать сомнению существующий тип социально-политического устройства или давать обоснования всяким действиям вообще, превращая их в основы политических действий и институциональных механизмов. «Это благо, однако не может быть «доставлено» или «получено»; но должно быть дискурсивно и коллективно создано. Только критическая теория оправдания может показать, насколько это возможно или что этому мешает» [16, с. 5].

Установление социальной структуры предполагает ее дискурсивное обоснование, что приведет к демократическому правовому государству, в котором граждане являются субъектами политического и правового оправдания. Дискурсивные практики следует всегда рассматривать как интерсубъективные по своей природе. Люди должны самостоятельно формулировать свои моральные и политические суждения, осуществлять их критическую оценку в соответствии с практикой, оправдывать принятые решения, коллективно обсуждать их возможные последствия. Основная задача критической теории состоит в определении принципов и процедур проекта создания справедливого (или более справедливого) общества, а также в выявлении ложных или отсутствующих оправданий для существующих социальных отношений. Критическая теория справедливости выступает, таким образом, как концепция дискурсивно обоснованной политической и социальной власти.

Заключение. Современная критическая теория предстает как эмансипационный проект создания правового общества на принципах свободы, справедливости и толерантности, в основе которого опыт легитимации институциональной системы. Критическая теория эксплицирует себя как дискурсивная практика преобразования социальной и политической

системы. Эта эмансипационная направленность критической теории делает ее чрезвычайно продуктивной в политических, социальных, культурных, литературных исследованиях.

Список использованной литературы

1. Horkheimer, M. Traditional and critical theory / M. Horkheimer // *Critical Theory. Selected Essays* / M. Horkheimer. – New York : Continuum, 2002. – P. 188–244.
2. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. : Медиум ; СПб. : Ювента, 1997. – 312 с.
3. Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. – М. : Научный мир, 2003. – 374 с.
4. Адорно, Т. Эстетическая теория / Т. Адорно. – М. : Республика, 2001. – 527 с.
5. Маркузе, Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике / Г. Маркузе. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 382 с.
6. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М. : АСТ, 2003. – 516 с.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2006. – 378 с.
8. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2008. – 411 с.
9. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 533 s.

10. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 632 s.
11. Honneth, A. Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory / A. Honneth. – Cambridge : Polity Press, 2007. – 275 p.
12. Honneth, A. Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life / A. Honneth. – New York : Columbia Univ. Press, 2015. – 448 p.
13. Honneth, A. Pathologies of reason: on the legacy of critical theory / A. Honneth. – New York : Columbia Univ. Press, 2007. – 222 p.
14. Honneth, A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1995. – 215 p.
15. Forst, R. Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism / R. Forst. – Berkeley, Los Angeles, London : Univ. California Press, 2002. – 346 p.
16. Forst, R. The Right to Justification / R. Forst. – New York : Columbia Univ. Press, 2007. – 351 p.
17. Шачина, А. Ю. [Рецензия] / А. Ю. Шачина, С. В. Шачин // Кантовский сборник. – 2012. – № 1. – С. 91–100. – Рец. на кн.: Honneth, A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit / A. Honneth. – В. : Suhrkamp, 2011. – 625 s.

References

1. Horkheimer, M. Traditional and critical theory / M. Horkheimer // Critical Theory. Selected Essays / M. Horkheimer. – New York : Continuum, 2002. – P. 188–244.
2. Horkheimer, M. Dialectica Prosvetsheniya [Dialectic of Enlightenment] / M. Horkheimer, T. Adorno. – М. : Medium ; SPb. : Uventa, 1997. – 312 p.

3. Adorno, T. Negativnaya dialectica [Negative Dialectics] / T. Adorno. – M. : Nauchnyi mir, 2003. – 374 p.
4. Adorno, T. Asteticheskaya teoriya [Aesthetic theory] / T. Adorno. – M. : Respublika, 2001. – 527 p.
5. Marcuse, H. Kriticheskaya teoriya obschestva [Critical Theory of society] / H. Marcuse. – M. : AST, 2011. – 382 p.
6. Marcuse, H. Eros i civilizaciya. Odnomernui chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obschestva [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society] / H. Marcuse. – M. : AST, 2003. – 516 p.
7. Habermas, J. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral Consciousness and Communicative Action] / J. Habermas. – SPb. : Nauka, 2006. – 378 p.
8. Habermas, J. Filosofski diskurs o moderne [The Philosophical Discourse of Modernity] / J. Habermas. – M. : Ves mir, 2008. – 411 p.
9. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 533 s.
10. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 632 s.
11. Honneth, A. Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory / A. Honneth. – Cambridge : Polity Press, 2007. – 275 p.
12. Honneth, A. Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life / A. Honneth. – New York : Columbia Univ. Press, 2015. – 448 p.
13. Honneth, A. Pathologies of reason: on the legacy of critical theory / A. Honneth. – New York : Columbia Univ. Press, 2007. – 222 p.
14. Honneth, A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1995. – 215 p.

15. Forst, R. Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism / R. Forst. – Bearnly, Los Angeles, London : Univ. California Press, 2002. – 346 p.
16. Forst, R. The Right to Justification / R. Forst. – New York : Columbia Univ. Press, 2007. – 351 p.
17. Shachina, A. U. [Recenziya] / A. U. Shachina, S. V. Shachin // Kantovski sbornik. – 2012. – № 1. – P. 91–100. – Rec. na kn.: Honneth, A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit / A. Honneth. – B. : Suhrkamp, 2011. – 625 s.